Комментарий № 59
24 февраля 2023

Год войны в Украине: прямой дорогой к большому ядерному кризису?

Евгений Прейгерман

Резюме

Можно долго спорить об истоках войны в Украине: они структурные и связаны с классическим противостоянием великих держав или же все объясняется личностью Владимира Путина и особенностями российской власти? Но через год после начала войны очевидно, что ключи к ее завершению уже в любом случае находятся не только на поле боя или в российско-украинских отношениях.

Содержание

1 Маятник войны
2 Выход только через большой кризис европейского масштаба?
3 Поле боя и глобальные процессы

Маятник войны

Ровно год назад началась российско-украинская война. Можно констатировать, пусть и с большой долей упрощения, что по некоторым параметрам война как будто прошла по кругу и вернулась к состоянию марта-апреля 2022 года. Не географически. И, разумеется, масштабы трагедии – разрушение Украины, потери человеческих жизней с обеих сторон, дестабилизация международной социально-экономической, политической и гуманитарной ситуации – уже совершенно иные. Но расклады на поле боя и сопутствующая политика, особенно их международное восприятие и дальнейшие ожидания, сегодня в чем-то напоминают те дни. Показательно, что из заголовков западных СМИ опять почти ушла эйфория по поводу неизбежной и относительно быстрой победы Киева, доминировавшая там после успехов ВСУ на харьковском и херсонском направлениях. Вновь звучат голоса о том, что «время играет на Россию» и что Украине и Западу следует быть более реалистичными в оценках перспектив боевых действий и собственных

возможностей. Правда, несложно представить и то, как в результате новых событий эта дискуссия может снова быстро приобретать прямо противоположные очертания.

Все происходит, как по учебнику: стороны совершают эскалационные шаги, стремясь к успехам на поле боя, задействуют все больше ресурсов, но военно-политические расклады при этом если и меняются, то временно. Маятник войны безудержно колеблется, хотя в медиа и массовых коммуникациях его амплитуда может отображаться по-своему, иногда вовсе в отрыве от реальности «на земле». Любые действия одной стороны вызывают противодействие другой, что как бы уравнивает ресурсы в их распоряжении, уравновешивает балансы. Это закономерность прокси-войны, а именно таковой эта война очевидно стала, даже если думать, что не была первоначально.

Уже после нескольких недель боевых действий в 2022 году, то есть после несостоявшегося быстрого захвата Киева вооруженными силами России, стало понятно, что война надолго. Как мы писали в тот период, имевшийся вначале оптимизм по поводу возможных дипломатических развязок был далек от действительности. Сегодня же еще больше оснований ожидать, что военное противостояние в Украине будет продолжительным или даже очень продолжительным. Статистически войны, которые проходят отметку в один год, имеют склонность длиться многие годы. Но самое главное – на это указывают многочисленные конкретные факторы российско-украинского конфликта и сопутствующих международных процессов.

Это не значит, конечно же, что течение конфликта будет обязательно сохранять ту же динамику и амплитуду, что и в первый год. Очевидно, что они будет меняться. Как в 2002 году, в преддверии войны США в Ираке, напоминал тогда уже 98-летний Джордж Кеннан, *«вы можете начать войну с одними намерениями, но … в итоге вы будете воевать за совершенно другие вещи, о которых до того даже не думали»*.

> В рамках войны в Украине мы еще не раз убедимся в справедливости этой формулы, так как война изначально переплетена с рядом больших геополитических противоречий, а со временем такие переплетения будут лишь множиться.

Выход только через большой кризис европейского масштаба?

На фоне такой амплитуды боевых действий «новой региональной нормальностью» в конце 2022 года стали ракетные инциденты в соседних странах. Это расширение войны за пределы Украины и России – как точечное физическое, так и более широкое психологическое. Очевидная опасность заключается в том, что уже в 2023 году физическое расползание войны может оказаться более масштабным.

Правда, в основном различные акторы декларируют, что хотели бы этого избежать. Часто и аналитики-комментаторы без сомнений констатируют отсутствие заинтересованности той или иной стороны в горизонтальной эскалации конфликта, акцентируя простой аргумент: никто не хочет открытия новых фронтов и еще большей дестабилизации. К сожалению, такая констатация далека от очевидной. Этот аргумент явно не единственный в головах участников и стейкхолдеров конфликта, и далеко не для всех он определяющий. Наоборот – очевидно, что некоторые акторы хотели бы ровно противоположного. В какой-то момент географическое расширение войны может остаться для них единственным аргументом для привлечения большей внешней поддержки.

Да и фактор трагической случайности или выходящего из-под контроля инцидента не следует списывать со счетов. Военные, притом повсеместно, часто склонны к чрезмерной уверенности по поводу собственных возможностей держать все под контролем и избегать эскалации в результате инцидента. Мол, лишь злой умысел противоположной стороны приведет к нашему решительному ответу и поднимет войну на иной уровень, а с инцидентами и недопониманием мы всегда справимся, инструментов достаточно. Хорошо бы, если так. Но откуда берется такая уверенность – совершенно непонятно. И теория конфликта, и история наиболее опасных кризисов говорят ровно об обратном.

Тем более, когда перекрываются каналы коммуникации и разрываются ранее эффективно работавшие соглашения о мерах доверия и безопасности. И когда это происходит на фоне все большего закручивания эскалационной спирали. Притом, как мы отмечаем в январском выпуске ежемесячного экспресс-обзора «Точки над У», даже при искреннем желании, остановить эскалационную динамику уже крайне сложно, если вообще возможно. Она вошла в режим автопилота.

В обозримой перспективе сложно представить, чтобы дальнейшая и вертикальная, и горизонтальная эскалация прокси-войны привела к капитуляции одной из сторон.

> Поэтому более реалистичным механизмом остановки войны и всей региональной эскалации в итоге представляется серьезный кризис в масштабах европейского континента или даже шире – между Москвой и Вашингтоном.

Последнее становится особенно актуальным в свете недавнего решения России приостановить участие в Договоре о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III). Такой кризис, если до него действительно дойдет, до предела приблизил бы мир к ядерной катастрофе и поставил бы стороны перед простым выбором: обмен ядерными ударами или скоординированная деэскалация.

Не будем рассуждать о том, какова вероятность, что в случае подобного кризиса реализуется именно вторая альтернатива и что ничто не выйдет из-под контроля. Констатируем лишь очевидное: такая перспектива остановки войны уже не выглядит фантастической, и траектория движения к ней просматривается все четче.

Хотя пока и остаются варианты избежать такого развития событий, еще есть поле для решений и действий, которые бы сделали возможными иные сценарии деэскалации. Для их реализации необходим серьезный закрытый дипломатический процесс с целью поиска принципов и новой модели взаимоприемлемого сосуществования в Восточной Европе и шире. Его ключевыми участниками по определению стали бы Россия и США. Очевидно, что прямо сейчас шансов начать такой процесс нет. Изменится ли ситуация через несколько месяцев, когда станут понятными результаты ожидаемых масштабных российского и украинского наступлений, пока сложно сказать.

Поле боя и глобальные процессы

Через год после начала войны приоритетом для сторон остается формула, высказанная еще в апреле главой дипломатии ЕС Жозепом Боррелем: «победа будет добыта на поле боя». Это понятно, учитывая описанный выше маятник войны и особенности формирования медийно-политической повестки. Однако точно так же должно быть понятно и другое.

Война в Украине стала следствием, а не причиной глубоких геополитических противоречий в Европе и более широко – на евро-азиатском пространстве. Она, как и три года назад пандемия COVID-19 (пусть и очень по-разному), не изменила

вспять течение мировых тенденций, а концентрированно их выразила и усилила, ускорила геополитическое время. И чем дальше – тем плотнее эта война будет переплетаться со все более сложными проблемами мировой политики.

> Такая зависимость от глобальных геополитических сюжетов всегда была характерна для процессов в Восточной Европе и уж тем более сейчас, когда разбалансирована вся международная система.

Поэтому можно долго спорить об истоках войны в Украине. Была ли она вызвана структурными причинами, связанными с классическим противостоянием великих держав? Или же все объясняется только личностью Владимира Путина и особенностями российской власти? Но через год после начала войны очевидно, что ключи к ее завершению уже в любом случае находятся далеко не только на поле боя или в российско-украинских отношениях.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»